

**ТРИКОЗ ЭЛЬВИРА ЛЬВОВНА,
К.Ф.Н., НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ В.И. БЕЛОВА,
ФИЛИАЛА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В.И. БЕЛОВА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

«Деревенская проза» была одним из самых влиятельных направлений русской литературы XX века (1960-1980 гг.). Примечательно, что основной и характерной чертой этого направления стал интерес к личности (в отличие от литературы соцреализма, для которой человек был лишь «винтиком» системы). По словам литературоведа и критика Станислава Стефановича Лесневского: «Герой эпоса 1970-х годов – это человек, осознавший объективную ценность личностного начала. Он вступает в народ не как слуга, а как равнодостоинная со всем народом величина. Он не приемлет никаких компромиссов, которые ущемляли бы его потребность в свободном развитии..» [1, с. 15].

Интерес писателей к личности в литературе этого направления был вызван разными причинами, но одна из главных, по нашему мнению, сама личность творца-писателя (!), для которой, говоря словами В.М. Шукшина, «сама потребность взяться за перо лежала... в душе растревоженной» – растревоженной гибелью уклада и культуры русской деревни, истреблением крестьянского народа и др. И разобраться со структурой личности писателей-деревенщиков еще предстоит.

Произведения «деревенской прозы» способствовали подъему не только советской, но и зарубежной критики. Она служила доказательством выжившей во времена застоя литературы – «эстетически полноценной и идеологически значимой». А, если смотреть глубже, «деревенская проза» способствовала подъему национально-культурного самосознания в России. Писатели «деревенской прозы» вернули на страницы книг не советских, а русских людей – людей из Золотого века литературы, вернули русское слово, чуть не утонувшее в терминологических «шлаках» советского времени. Она

была той литературой, которая посредством художественного слова создавала образ русского национального мира.

Пожалуй, растревоженность и страдание души, причастность к крестьянскому ладу и народу, следование путем правды, глубокое осознание нарушения преемственности поколений и погруженность в это осознание – ключевые сочетания для описания личности любого писателя-деревенщика. Сразу скажем, что термин «писатель-деревенщик» сами прозаики не признавали. Например, Шукшин «очень...болезненно переживал ярлык «деревенщика». Страшно возмущался, когда его так называли. «Будто загнали в загон, мол, не высывайся. В деревне 80% населения раньше жило, ну сейчас поменьше, а все 100% – оттуда, так ведь это все не деревня, а народ. Какие же мы деревенщики, мы – народные писатели», – переживал Шукшин» (Из книги Георгия Буркова «Хроника жизни»). Иронию, укор и уничижение чувствовал писатель за этим словом с суффиксом «щик». В интервью 1988 года Георгий Бурков поделился: Шукшин нервно возвращался к этому слову, все пытался точно сформулировать, пояснить источник возникновения слова. Он осознавал, что «во времена застоя расстреливать нельзя было, так вот хоть унижить, обозвать словом...» Так и выходило, что словом будто пытались снизить ценность той литературы, которая была настоящей русской.

Белов-писатель и Белов-человек. Писательство Василия Белова было неразрывно связано с обычной человеческой жизнью Белова. И вышло оно из жизни. Свидетельств тому много в книгах писателя, интервью. Из интервью с В. Бондаренко (2002): «Да я случайно стал писателем, и стал ли? До сих пор не знаю. Началось со стихов. Еще мальчишкой был, а стихи какие-то наборматывал. Потом стал читать их приятелям. Позже показал нашим писателям. Поддержали, потом один питерский журнал даже напечатал, тут я и обрел какую-то веру в себя. Очень важна первая публикация. Не было бы ее, может, так и стал бы столяром или еще кем. А потом в Литературный институт, уже после армии, поступил. Книжки стали

издавать. Позже к прозе потянуло. Ну а зачем пишу? Это какая-то таинственная сила. Я пробовал объяснить и самому себе и читателям, чего я хочу добиться. Вот в «Ладе» об этом много сказано, о моем отношении к жизни. Чего-то и добился, если даже премии дают какие-то. Я не ожидал этого, когда начинал. Так получилось. А теперь даже стыдно.

...Я еще у Федора Тютчева читал о стыдливости страданий русского человека. Верно он подметил эту черту и даже назвал ее Божественной. Русский человек стыдлив. А я — русский человек и на самом деле много стыжусь. Слишком много нагрешил в своей жизни. А меня объявляют учителем, приходится выступать в роли учителя, это опасное дело...».

Исповедально и прямодушно в письме к Шукшину (1971 г.), пытаюсь вывести «общий, грустный закон» о том, отчего «болит совесть: постоянно и ровно»: «А вообще, знаешь что: ничему не отдавайся до конца, до последней кровинки... Меня писателем называют, а я чихал! Я, может, никакой не писатель и быть им не хочу. Почему я должен быть писателем, я не обязан. И никому ничего не должен. Я и руками себя прокормлю, захочу — и буду столярничать. Либо на завод монтером. Может, я дрова колоть больше люблю, чем сочинять все эти штучки. Я, конечно, знаю, что на завод не пойду. Но мне нужно знать и то, что не обязан я... Вот когда так подумаю — сразу дышать легче, сразу гора с плеч, сразу свобода и легкость. Как раз та свобода, без которой ничего стоящего не сочинишь» [2, с. 529].

Вспомним, до того как В.И. Белов выбрал писательство, им были освоены на родине десятки профессий – счетовода, столяра, плотника, моториста, электромонтера, воспитателя общежития, киномеханика, журналиста и др. На протяжении всей жизни писатель не прекращал общение с земляками, людьми, с которыми приобретал первые профессии. Люди были источником вдохновения автора. Они становились героями его повестей, рассказов, киносценариев, как, впрочем, и у В.М. Шукшина, близкого друга В.И. Белова. Многие писатели отмечали легкость пера, быстроту осмысления сюжетов жизни земляков, тонкое знание их живой разговорной речи.

Валентин Распутин писал: «Сам я всегда писал подолгу, очень осторожно, несколько раз переписывая. А у Василия Ивановича все и всегда получалось чуть ли не сразу. Это удивительная способность».

С 1959 по 1964 гг. в годы учебы в Литературном институте среда общения писателя значительно поменялась, однако связь с простыми людьми с родины писателя продолжалась. Белова называли «слугой народа», и Белов буквально понимал значение этого сочетания: «Люди, бедствовавшие на новом сломе истории, останавливали его на улицах, на базаре, в ГУЮ, в чиновных коридорах, подсаживались к нему на скамейку в сквере... Просили конкретной помощи, советов, поддержки, просто рассказывали о своей нескладной жизни. И удивительно, Василий Иванович никогда не спешил, никого из них не торопил. Слушал» [3, с. 523].

По мере освоения разных профессий в сознании писателя формировалась цель – служение России и народу через подвижнический писательский труд; росла и объективная значимость писателя для окружения – среди профессионально пишущих, среди широких слоев интеллигенции, читающей аудитории. У людей была жизненная необходимость в его текстах, без удовлетворения которой было невозможно полноценное осознанное существование нескольких поколений. Не случайно в интервью Анатолий Заболоцкий сказал о своих мировоззренческих наставниках (Солоухине, Шукшине, Астафьеве, Белове) так: «Достаточно почитать их книги, и станет ясно — они патриоты, подвижники русской культуры» [4]. Беловские тексты были мощной житейской, повседневной, и духовной опорой людей. По сути, высокая объективная значимость писателя, существовавшая для большой референтной группы, являлась и причиной народного признания, государственных наград, званий, орденов и всеобщей любви. А народное признание влекло за собой неперенные субъективные выражения благодарности, которая проявлялась и через материальные предметы. И сохранившиеся в музее подарки для Белова – материально доказательство степени его признания, доверия и любви к нему отдельных людей или

небольшой группы. Механизм понятен: люди прямо или косвенно получали благо (увидеть себя в произведении глазами писателя-земляка, получить книгу, удовольствие от чтения, художественных образов, языка и проч.) и в ответ за участие в судьбе их деревни, малой родины, за любовь к ним и вообще к русскому человеку, языку, стране пытались сделать свой ценный вклад – подарок, иногда не имея даже формального повода его преподнести. Да и нужен ли он был?!

Вместо заключения. Василий Белов – один из патриархов деревенского направления, своим творческим опытом убедивший крепко взяться за перо писателя деревенской прозы Валентина Распутина. Пишет в статье Валентин Григорьевич: «...повесть «Привычное дело»...произвела на меня огромное впечатление. Именно после нее у нас стали активно говорить о писателях-деревенщиках. Сам я... боялся писать о деревне, которую хорошо знал и из которой вышел. Но после прочтения «Привычного дела» воодушевился и понял: вот, как надо писать, как надо говорить о своих земляках» [5]. Через Белова Распутин получил силу и вдохновение писать о деревне. И получил эту силу не только потому, что подглядел легкость и красоту самовыражения, а потому, что вынес, как и все поколение детей довоенного времени, «лихую тяжесть жизни», прочувствовал самым тонким – душой! – «ту глубинную правду о человеке, которая никакими знаниями не дается», кроме как через опыт собственной души. Подобный опыт часто в художественном творчестве приобретает качество классики, в которой через духовное раскрывается гражданское, через нравственное становится виднее социальное.

Список литературы

1. Лесневский С.С. Возвращение // Вопросы литературы.- 1967. № 3. – С. 66.

2. Василий Белов. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7: Статьи, очерки, воспоминания, рецензии, письма. – М.: РИЦ «Классика», 2012. – 624 с.
3. Серова Н.С. Василий Белов. С ним и без него. / Василий Белов. Воспоминания современников. (Составитель А.Н. Грешневиков). – М.: Книжный мир, 2018. – с. 517 – 529.
4. Интервью А.Н. Грешневикова с Анатолием Заболоцким. Мои мировоззренческие наставники: Шукшин, Солоухин, Белов, Астафьев / Родная Ладога: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/beseda/809-moi-mirovozzrencheskie-nastavniki-shukshin-soloukhin-belov-astafev>.
5. Распутин В.Г. Великий деревенщик / Газета «Культура». – 19 ноября 2012.